

Лариса Петровна

ДРАКОН ВЫБИРАЕТ НЕВЕСТУ
КОЛЛЕКЦИОНЕР ЧУДЕС
КОРОЛЕВСКАЯ ОРХИДЕЯ
ПРИНЦ-ВОРОНА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Лариса Петровна

Принц-ворона

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2020
 ARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
ПЗ0

Серия основана в 2011 году
Выпуск 554

Художник
Е. Никольская

Петровичева Л. К.

ПЗ0 Принц-ворона: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3110-6

Дэвин — сын государя, самый опасный маг страны, злодей и убийца. Для восстановления сил ему нужна невинная девушка. Джемма — дочь мятежника, которая теперь прикована к волшебнику рабским ошейником.

Можно ли сохранить жизнь и свободу там, где в сундуках хранятся драконы, а с болот поднимается предвечная тьма? Можно ли сохранить свое сердце?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Петровичева Л. К., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3110-6

ГЛАВА 1

— Заходите! Заходите! Самое лучшее — только здесь! Не тратьте времени на другое! Заходите!

Дэвин поднялся по ступенькам бывшего дворца князей Столуцци, который теперь стал аукционным домом, обошел зазывалу в красном сюртуке и оказался в просторном холле, забитом народом — пестрым, веселым, предвкушающим пикантное развлечение. Что может быть веселее покупки человека? А сегодня здесь продавали именно людей. Миновав зевак и покупателей, Дэвин снял шляпу и, мельком глянув на себя в зеркало, направился в аукционный зал.

Он никогда не покупал рабов и сам не знал, что именно вдруг потянуло его сюда настолько властно, но Дэвин никогда не сопротивлялся зову судьбы. На него оборачивались. Дэвин заметил, что какая-то молоденькая и впечатлительная барышня осенила лицо знаком круга, стараясь отпугнуть нечистого. Остальные были более благоразумны — улыбались, кланялись, всячески выражали почтение и делали вид, что невероятно рады такой неожиданной и приятной встрече.

Дэвин хмуро подумал, что все идет как всегда. Принцу, старшему сыну короля Кормака, всегда будут кланяться. Даже если этот принц — самый страшный темный маг за всю историю страны. Даже если этот принц лишен короны и наследства.

Один из распорядителей сразу же предложил Дэвину место в первом ряду, по соседству с председателем Перво-

го столичного банка. Почтенный старец тотчас же побледнел, но справился с волнением, поздоровался и поинтересовался:

— Тоже решили купить девицу в дом?

Дэвин неопределенно пожал плечами.

— Пока хочу просто посмотреть. Есть что-то примечательное?

Председатель махнул рукой.

— Самые лакомые кусочки приберегают напоследок, — со знанием дела сообщил он. — Дочери сподвижников министра Гевельта.

Ведущий ударил молоточком в гонг, призывая к тишине. На сцену вывели очередную девушку в полупрозрачном плаще до пят. «Много плакала», — подумал Дэвин, глядя на раскрасневшееся девичье личико, опухшее от слез. Длинные каштановые волосы были небрежно заплетены в пушистую косу, тонкие брови сведены в гримасе отчаяния, губы дрожали — девушка читала молитву.

Рабыня должна быть очаровательной и привлекательной, чтобы за нее выкладывали денежки, — аукционный дом заботился о правильном виде товара. Дэвин увидел это очарование даже за лицом, опухшим от слез. Легкая ткань мягко обнимала тело девушки, и она казалась выточенной из розового кварца — легкой, почти невесомой, настоящей.

— Дамы и господа! — пророкотал ведущий. — Джемма Эвилет!

Дэвин усмехнулся. Знакомая фамилия! Эдвин Эвилет, папаша бедной Джеммы, был из числа разоблаченных заговорщиков, которых совсем недавно размазали пушками по дворцовой площади. Заговор министра Гевельта против короны потерпел поражение, и теперь дети бунтарей продавались на аукционе. Прежде такого не бывало. Но его величество Кормак был настолько разъярен, что решил выместить свой гнев так, чтобы навсегда отбить охо-

ту посягать на престол у тех, кто однажды рискнет это сделать.

Люди готовы рисковать своими головами и своей честью. Но они предпочтут вывести из-под удара своих близких. Возможность страшной судьбы для детей невольно заставит задуматься — и одуматься. Конечно, есть такие, кому наплевать на то, что их дочерей будут покупать на торгах престарелые сластолюбцы, но большинство будущих бунтарей не такие, к счастью для их семей.

Эта Джемма была барышней из приличной семьи, могла выйти замуж за юношу достойных кровей, а в итоге станет рабыней. Купит ее какой-нибудь старикашка вроде почтенного председателя, из которого уже много лет песок сыплется, будет играть, пока не наскучит, а там и выбросит...

Наверняка некоторые из тех, кто сейчас придиричиво рассматривает Джемму, бывали в доме ее отца и сидели с ней за одним столом. Но тогда она была благородной девицей, а теперь ее можно купить и использовать так, как сочтешь нужным.

Вряд ли кто-то из этих прекрасных господ и дам выкупит Джемму потому, что жалеет ее и хочет вернуть ей свободу. Наоборот — купят и будут использовать, чтобы показать верность королю и всем его приказам.

«А чудовище здесь, тем не менее, я», — подумал Дэвин.

Девушка впервые подняла голову. Скользнула взглядом по зрителям, которые рассматривали товар — ведущий расхваливал ее на все лады, — и вдруг посмотрела на Дэвина и содрогнулась всем телом. Узнала — и ее накрыло ужасом.

О Дэвине ходили просто невероятные слухи. Одним из самых невинных был рассказ о том, что он утопил в меду одну из своих любовниц, растворил ее в нем направленным заклинанием и в течение года употребил с крепким чаем. Неудивительно, что эта Джемма трепещет от ужаса,

как листочек. Со своего места Дэвин видел, как пульсирует вена под тонкой кожей у нее на шее.

Принц ободряюще улыбнулся ей, и девушку ощутимо повело в сторону, так, что один из помощников бросился поддержать.

— Начальная цена — двести крон! — провозгласил ведущий. — Кто больше?

Почтенный председатель крикнул и поднял указательный палец.

— Двести пятьдесят! — с достоинством проговорил он и окинул взглядом зал, пытаясь определить, кто выступит его конкурентом в торге за красавицу.

— Двести пятьдесят крон от господина Лабрахаса, кто больше? — воскликнул ведущий, и торг бойко покатился дальше, постепенно дойдя до пятисот крон. Крупная сумма — за эти деньги можно купить хороший экипаж и пару лошадей или провести ночь с лучшей столичной куртизанкой, ни в чем не зная отказа.

Но владеть живым человеком, бывшей благородной барышней намного интереснее. Это волнует душу и разум гораздо сильнее, чем поход даже к самой дорогой куртизанке. Господа в зале взбодрились, разругались, они готовы были сражаться. Немногие дамы косились на них с явным неудовольствием, но мужчины не обращали на это внимания. Им был интересен свежий нетронутый плод, который можно сорвать и присвоить.

Джемму по-прежнему поддерживали, не позволяя упасть. Ее лицо обрело восковую бледность мертвеца, сделалось каким-то ненастоящим, словно плохо вылепленная маска. Дэвин не собирался участвовать в торгах. Он не держал в своем доме ни рабов, ни рабынь, но неожиданно для самого себя поднял руку и произнес:

— Две тысячи крон.

Зал накрыло тишиной — настолько густой и плотной, что ее можно было резать ножом. Все уставились на Дэвина, а Джемма посмотрела ему в лицо так, словно хотела

спросить: «Вы? Это будете вы?!» Ведущий опомнился и обвел зал своим молоточком.

— Самая крупная сумма за рабыню за всю историю торгов! — воскликнул он. — Кто больше, кто больше, господа?

Господа угрюмо рассматривали собственные руки. Две тысячи крон — да никто из них столько не выложит. Никогда. И дело не в деньгах. Все они очень благоразумны и не будут переходить дорогу принцу Дэвину, который поднимает мертвецов из могил и хранит их души в особых кувшинах в подвале своего дома. Кому захочется жить в кувшине и в то же время трудиться на плантации?

— Джемма Эвилет продана его высочеству Дэвину за две тысячи крон! — зычно провозгласил ведущий и удалил в гонг.

В ту же минуту Джемма лишилась-таки чувств и рухнула на сцену. Помощники быстро подняли ее и унесли куда-то за кулисы. К Дэвину подошел распорядитель и, низко поклонившись, произнес:

— Ваше высочество, прошу со мной.

Дэвина провели в малый зал — там над Джеммой хлопотали слуги, приводя ее в чувство. Господин в темно-сером сюртуке по чиновничьей моде, который производил расчеты и выписывал чеки на покупку, смотрел на девушку с искренним сочувствием. Она была дочерью врага государства, но не заслуживала того, чтобы попасть в руки Дэвина. Ни одна живая душа не заслуживала такого ужаса.

— Две тысячи крон, ваше высочество, — напомнил он.

Дэвин вынул из кармана тонкую книжку и, устроившись за небольшим столом для расчетов, принялся выписывать чек. Джемма пришла в себя — глубоко вздохнула и прошептала:

— Господи, это невозможно...

Их взгляды встретились, и Дэвин подумал, каким она его видит. Слишком высокий, с длинными руками и нога-

ми, с растрепанными черными волосами и хмурым лицом, он действительно пугал. Так было, сколько он себя помнил, и Дэвин успел привыкнуть к этому, но сейчас ему сделалось не по себе.

— Возможно, сударыня, — холодно откликнулся он и вырвал страничку из чековой книжки. Господин в темно-сером принял ее с низким поклоном и передал Дэвину заранее заготовленное свидетельство о собственности, в которое каллиграфическим почерком было вписано его имя. — Вам легче?

Губы Джеммы дрогнули. Дэвин подумал, что она — гордячка. Тонкая, хрупкая, упрямая гордячка — вон как глаза сверкают. Поборола первый страх, справилась с ситуацией и теперь не собирается сдаваться просто так. Да, она стала вещью, но в душе осталась свободной и непокоренной.

— Да, сударь, — ответила она ему в тон. — Мне легче, благодарю вас.

Господин в темно-сером не сдержал изумленного восклицания. Называть принца крови «сударь» было как минимум дерзко, а вообще-то очень опасно. Но Дэвин лишь улыбнулся.

— Раз так, тогда идем. Мой экипаж у входа.

Силы и желание сражаться покинули Джемму, когда они сели в экипаж и кучер хлестнул лошадей. Теперь она вещь. Рабыня. И не нужно объяснять, что бывает с дерзкими рабами, — Джемма прочла немало книг, чтобы понять: теперь она полностью зависит от настроения своего хозяина.

Она снова посмотрела на него. Дэвина — обязательно шепотом и с оглядкой — называли Принцем-вороной, королем без короны. Он был старшим сыном королевской четы, но, узнав о том, что ребенок — сильнейший маг, король Кормак тотчас же удалил его из очереди на престол.

Темноволосый и светлокожий, с карими глазами и острыми чертами лица, Дэвин в самом деле напоминал ворону — такую же, как на обложках страшных сказок. Джемме не хотелось думать о том, что случится, когда они приедут в его дом. Она прекрасно понимала, какова будет участь рабыни, и постаралась задвинуть эту мысль куда-нибудь подальше. Если об этом думать, то успеешь лишиться рассудка до того, как все начнется.

— Вы бледны, — заметил Дэвин, глядя, впрочем, не на Джемму, а на улицу. Она невольно поблагодарила его за это: когда Дэвин смотрел на нее, все в ее душе начинало звенеть и дрожать, к сердцу подкатывала боль, и горло стягивал ужас, не позволяя дышать.

— Я не вижу себя, — ответила Джемма. — Может быть, и бледна.

Всю ее одежду по-прежнему составлял полупрозрачный плащ, и это тоже было больно. Джемму воспитывали так, что открыть свое тело можно только будущему супругу — и сегодня ее увидела вся столица. Она знала многих, кто назначал за нее цену. Эти люди приходили гостями в дом ее отца, эти люди считались друзьями семьи, только у них хватило ума, чтобы не участвовать в перевороте.

И они видели ее почти обнаженной. Хотели купить. Это было настолько цинично и жестоко, что Джемме стало больно дышать. Она понимала, что никто из прежних друзей не купил бы ее, чтобы освободить. В такие дни люди будут всячески подчеркивать свою преданность королю, чтобы их дети не оказались на аукционе.

Ей хотелось плакать. Уткнуться лицом в ладони и выплеснуть из себя всю эту боль и грязь.

Дэвин неожиданно протянул к ней руку, и Джемма шагнула от него в сторону, забила в угол, испугавшись, что сейчас-то, в экипаже, все и случится. Но он лишь усмехнулся, и Джемма, опомнившись от накатившего ужаса, увидела, что Дэвин протягивает ей белоснежный носовой платок.

— Да не тряситесь вы так, — устало посоветовал он. — Я вас не съем. И не сделаю с вами ничего предосудительного, можете мне поверить.

Джемма взяла платок, провела им по щеке. Дэвин оценивающе рассматривал ее, и Джемма чувствовала его взгляд, как осторожное прикосновение к коже. Ей казалось, будто он способен проникнуть в ее мысли и в те потаенные глубины сердца, которые она закрывала сама от себя и боялась туда заглядывать.

— Но вы мне пригодитесь, — уверенно сказал Дэвин. — Во многом наша с вами встреча — веление судьбы. Вы верите в судьбу, Джемма? В рок?

Джемма горько усмехнулась. Силу судьбы она познала на собственном опыте. Еще каких-то два месяца назад ее прочили в жены Алексу Абигалию, сыну одного из крупных чиновников. Он не был ее второй половинкой — но считался хорошей партией, которую было бы очень глупо упустить.

Но теперь ее отец мертв, сама она — рабыня, а Алекс, который так пылко клялся ей в любви, держа за руку и глядя в глаза, с ужасом отрекся от былых чувств и отношений. О да, она верила в судьбу!

— Да, — кивнула Джемма. — Да, верю.

Экипаж въехал в высокие резные ворота и вскоре остановился у белостенного особняка в стиле Первой республики: высокие окна, колонны, кружево балконов — все наполнено воздухом и солнечным светом, все так и дышит жизнью. Джемма никогда бы не подумала, что самый страшный волшебник страны живет в таком чудесном месте. Дэвину больше подошел бы черный замок с башнями, похожими на костлявые пальцы, что царапают синее горло неба, и чтобы внутри все заросло паутиной и пылью. Волшебники, о которых читала Джемма, жили как раз в таких пугающих и таинственных местах. А здесь, казалось, не было никакой тайны, просто дом, подходящий

джентльмену высокого происхождения, который не имеет отношения к темной магии.

Расторопно подбежавший слуга открыл дверь экипажа и удивленно вытаращил глаза на Джемму. Должно быть, его хозяин прежде не привозил сюда девушек в рабских плащах. Дэвин протянул руку, на которую Джемме пришлось опереться, и, когда она вышла из экипажа, произнес:

— Так вот, что касается вашей участи, Джемма. Вы знаете, кто я?

— Самый могущественный темный маг за всю историю, — выдохнула Джемма. «Тот, кем пугают детей так, что они потом мочатся в постель», — мысленно прибавила она, но, разумеется, не сказала об этом вслух.

— Совершенно верно, — кивнул Дэвин. Он не выпустил руку Джеммы — так и повлек ее к гостеприимно распахнувшимся дверям. — Но любую магию требуется подпитывать, и сила невинной девы подходит для этого лучше всего. Вы ведь невинны, Джемма?

К щекам прилила кровь. Джемме стало трудно дышать от стыда. Впрочем, хозяин имеет полное право задавать рабыне такие вопросы. Особенно если заплатил за нее две тысячи крон.

— Да, — через силу ответила она. — Будь иначе, меня не продали бы за такие деньги.

Дэвин провел ее через просторную гостиную, богато обставленную изящной мебелью со светлой обивкой — мелькнули вышитые цветы и птицы, высокие расписные вазы, наполненные розами, старинная картина на стене. Они поднялись по лестнице, прошли по коридору, и Дэвин толкнул одну из дверей.

Войдя, Джемма невольно поежилась. Красивый дом оказался лишь маскировкой — настоящее обиталище ее нового знакомого было именно здесь.

Впрочем, обстановка завораживала. Выпустив ее руку, Дэвин прошел к большому письменному столу, завален-

ному кипой бумаг, а Джемма побрела вдоль стены, разглядывая чудовищные оскаленные маски с юга, разноцветные груды камней и кристаллов, небрежно сваленные на полки, мелкие птичьи скелеты. Самым интересным был маленький глобус — материки и океаны на нем не имели никакого отношения к тому, что рассказывали на уроках географии. Мелкие буквы на материках, впрочем, оказались знакомы, и Джемма прочла: «Eurasia».

Странное слово, от которого веяло чем-то пугающим. Больше всматриваться в глобус не хотелось.

Возле окна Джемма увидела маленький диван, небрежно застеленный пестрым одеялом. От волнения у нее свело живот, а сердце нервно забилося, словно пыталось вырваться и умчаться прочь. Значит, здесь все и будет. Джемме стало так жутко, будто ее швырнули в пропасть.

— И как вы собираетесь присвоить силу невинной девы? — поинтересовалась Джемма, стараясь держаться независимо и гордо.

У нее отобрали свободу и честь, но плакать и молить о пощаде она не собиралась. Встретить новое горе с достоинством и не склониться перед ним — вот все, что ей оставалось.

Дэвин снял сюртук, бросил его на кресло и, приблизившись к Джемме, негромко сказал:

— Ничего противоестественного. Не бойтесь.

Сейчас, когда он стоял почти вплотную, Джемма почувствовала его запах — аромат дорогого одеколона, смешанный с сухими травами, солнцем и теплом чужой кожи. Ей одновременно сделалось холодно и так жарко, что голова поплыла. Она не увидела — почувствовала, как Дэвин осторожно потянул за шнурки, что стягивали ее плащ возле шеи.

Ткань с легким шелестом упала на ковер. Джемма вздрогнула всем телом, пытаясь подхватить ее, но маг придержал ее за руки.

— Тихо, — прошептал он. — Не бойся.

Джемма с трудом сдерживала слезы. Ей никогда не было настолько стыдно и горько. Правая рука Дэвина мягко легла ей на грудь — теперь сердце Джеммы билось в его ладони, словно пойманная птица. Осторожно подхватив ее левое запястье, Дэвин потянул ее к себе и положил руку Джеммы на свою грудь.

— Сердце к сердцу, — по-прежнему негромко произнес он. — Еще немного, потерпи. Это не больно.

Джемма успела уловить ладонью звонкое биение чужого сердца — а потом ее ударило в голову, и свет померк.

ГЛАВА 2

Все качалось и плыло. Джемма не знала, что с ней. Спит ли она, бодрствует или умерла? То над ней нависал потолок с наполовину облупившейся фреской, то вдруг выплывало окно, что выходило в пышный сад, залитый солнечным светом, то неожиданно появлялся глобус — живой, с дымящейся зеленью материков, пугающих неизвестными названиями, и прохладным шелестом волн.

Потом напознала тьма. Наваливалась горячим тяжелым брюхом, подминала под себя — Джемма начинала задыхаться и звать на помощь, но никто к ней так и не пришел. Кажется, потом она расплакалась — от собственного бессилия, от боли, от того, что отец так поступил с ней. Отец ведь понимал, что в случае провала пострадает и он сам, и его семья, — и все равно остался с мятежниками. «Потому что джентльмены не предают друзей!» Зато предавать своих детей джентльмены, по всей видимости, могут. В этом нет ничего особенного...

— Тихо, тихо. Не плачь.

Голос Дэвина пробился сквозь тьму, и на мгновение Джемме стало легче. Она пошла за ним сквозь мрак — ей больше некуда было пойти.

Потом Джемма почувствовала осторожное прикосновение пальцев к лицу и окончательно пришла в себя.

Она лежала на диване, заботливо укрытая одеялом. Плащ рабыни по-прежнему валялся на полу. Дэвин сидел

рядом с диваном, и одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: он свеж и полон сил. Джемме казалось, что над его головой кружатся маленькие искры.

— Это... все? — спросила она.

Дэвин улыбнулся, и Джемма неожиданно для себя самой отметила, что у него приятная, располагающая улыбка. В следующий миг она подумала, что с такой же улыбкой Дэвин запечатывал свою любовницу в ларец с медом. И отправлял полчища трехголовой саранчи туда, где теперь расположены Пустынные земли Дальнего Юга.

От одной этой мысли начало тошнить.

— На сегодня — все. — Дэвин снова одарил ее улыбкой и добавил: — Дух твоей невинности будет иметь силу еще несколько недель, так что я заберу ее пару раз.

«Пару раз», — повторила про себя Джемма и торопливо спросила:

— А что потом?

Допустим, Дэвин даст ей свободу. И куда тогда отправится Джемма? Отцовский дом перешел к казне. После того как все в столице узнают, чьей именно рабыней была Джемма, ее не возьмут ни в служанки, ни в гувернантки. Ее не примут ни в одном порядочном семействе. Даже если она найдет свою вторую половину, этот человек все равно отвергнет ее, и никто не упрекнет его в этом. Брать в жены шлюху Принца-вороны? Ну уж нет.

— Потом? — Дэвин пожал плечами. — Честно говоря, я не задумывался. Но я в любом случае устрою твою жизнь. Допустим, будешь жить со мной. Станешь, например, моей ассистенткой.

— Буду помогать вам запечатывать женщин в мед?

Слова сами собой слетели с губ, и Джемма подумала, что сейчас сама отправится в медовую гробницу. Однако Дэвин лишь усмехнулся.

— Тоже слышала эту бредовую сплетню? — осведомился он и презрительно добавил: — Ненавижу мед. Никогда его не ел и уж тем более никого в него не запечатывал.

Джемма невольно вздохнула с облегчением и тотчас же напомнила себе, что у Принца-вороны есть и не такие скелеты в шкафу.

— Я... — прошептала Джемма и вдруг призналась: — Я боюсь вас. Мне страшно.

В улыбке Дэвина появилась грусть.

— Это очень предсказуемо, — произнес он. — Меня все боятся. Даже мать отказалась брать на руки, когда увидела первые искры над моей головой.

Джемме стало стыдно.

Дэвин поднялся с пола и, пройдя к одному из шкафов, вынул темное шелковое одеяние, которое оказалось халатом с капюшоном.

— Вот, переоденься, — сказал он. — Завтра дам тебе денег на одежду, не будешь же ты вечно ходить в этом безобразии. А послезавтра... — Он на несколько мгновений уставился в потолок, затем кивнул. — Да, послезавтра мы уедем отсюда.

Джемма выскользнула из-под одеяла и торопливо нырнула в халат. Меньше всего ей хотелось, чтобы Дэвин разглядывал ее. Хотя... он уже успел увидеть все, что нужно.

— Уедем? — спросила Джемма, застегнув последнюю пуговицу. — Куда?

Дэвин усмехнулся.

— Мой король-отец отправит меня в ссылку, — сообщил он.

Джемма удивленно ахнула.

— Как в ссылку? Почему?

Она запоздало подумала, что задает слишком много вопросов. Рабыне следует быть послушной и говорить только тогда, когда хозяин изволит к ней обратиться.

— А что ему еще делать? — Дэвин прошел к столу, вынул из выдвигаемого ящика бутылку темного стекла и, вытянув зубами пробку, сделал большой глоток. В воздухе

отчетливо повеяло вишней. — Едва он успел избавиться от своих врагов, как я притащил в дом дочь одного из них. Его величество будет в гнев.

Джемма удивленно посмотрела на него. Встревожен? Да вроде нет, держится спокойно и как-то привычно, словно не ожидает от отца другой реакции. Из тех пугающих слухов, которые бродили по столице, было ясно, что отношения отца и сына далеки от дружеских.

Но отправлять в ссылку? И не бояться того, что Дэвин, допустим, захочет остаться и использует для этого свою магию?

Глобус налился прозрачным синим светом. Джемме казалось, что на полке неторопливо вращается причудливое живое существо.

— Ничего! — ободряюще улыбнулся Дэвин, заметив, что Джемма окончательно растерялась. — Тебе в любом случае не о чем волноваться, все самое страшное с тобой уже случилось.

— А с вами? — спросила Джемма неожиданно для самой себя.

Улыбка Дэвина стала печальной.

— А со мной случился я, — ответил он. — Вот и все.

Дэвин даже удивился тому, насколько быстро государь узнал о его приобретении. Его величество Кормак прислал за сыном ранним утром. Еще даже не развиднелось, а офицеры внутренней охраны государя уже входили в дом, нарочито громко топя каблуками.

Пытались развеять свой страх перед могуществом темного мага, но получалось у них плохо. Судя по выражению лица одного из храбрых военных, он боялся, что всех их вынесут отсюда в спичечном коробке.

Утро выдалось прохладным и свежим — Дэвин нырнул в него, как нырял в прорубь зимой, чтобы настроить течение своих магических полей, и подумал, что подложил го-

сударю свинью невиданных размеров. Конечно, любящие дети так не поступают. Несмотря на то что Дэвин был Принцем-без-короны, отец любил его. Пусть меньше, чем остальных своих детей, которым повезло родиться без капли магии, но все-таки любил.

Государь заставил его ждать в малой приемной, и Дэвин потратил четверть часа на рассмотрение старинного гобелена. Мастера вышили на нем историю хрустального яблока, причем настолько умело, что фигурки казались живыми. Дэвин замер перед ними, как в детстве, когда смотрел на гобелен, прижав ладошку к груди, и в очередной раз понимал, что он не такой, как все. Порченный.

Душа человека — половинка хрустального яблока. Господь срывал яблоки в своем небесном саду, разделял их надвое и вкладывал в разных людей. Встретишь свою вторую половину — обретешь заветное счастье и подлинную целостность. Половинки соединятся в одно, и два человека очистятся от грехов, став такими, какими их замыслил Владыка земной и небесный. И жить они будут счастливо. Долгими будут их дни и сладкими — ночи.

В груди Дэвина тоже хранилось хрустальное яблочко — его было видно, если посмотреть в особое магическое стекло.

Яблоко было целым.

Дэвин не раз и не два подходил к зеркалу с магическим стеклом, надеясь, что произошла ошибка и он все-таки увидит половинку, а не целый плод. Он менял стекла и зеркала. Яблоко оставалось целым. Возможно, именно оно и делало Дэвина тем, кем он был.

— Ну здравствуй, сын.

Дэвин обернулся к отцу, вдруг поняв, что так и не успел продумать, как себя вести. Держаться смиренно или в определенной степени дерзко? Сопротивляться, ругаться или давать покорные обещания немедленно сплавить ку-

да-нибудь эту несчастную Джемму? Будто в столице мало невинных девушек — только свистни, сразу толпа сбегится.

— Здравствуй, отец, — ответил Дэвин. — Что-то случилось?

Лицо государя дрогнуло. Высокий, сухощавый, начинающий лысеть, он напоминал святых подвижников, которых Дэвин видел в книгах. Ничего для себя, все ради страны и народа. Впрочем, это была только маска, и его величество Кормак с удовольствием носил ее, не отказывая себе в самых разных радостях. Например, в том, чтобы смотреть, как расстреливают мятежников. Или в том, чтобы отправить их детей на аукцион рабов.

За это государь недолюбливал Дэвина — Кормак прекрасно понимал, что сын видит его насквозь, и ему это не нравилось.

— Ее величество всю ночь не спала. Лейб-медик не уходил от нее, — сухо сообщил Кормак. — Даже странно, почему ты не жалеешь нервы своей бедной матери.

Дэвин пожал плечами. В отличие от отца, который поддерживал с сыном хоть какие-то отношения, ее величество Тесс демонстративно отказалась от ребенка. Она не могла родить темного мага, все это совершенно невозможно и даже неприлично.

Сначала Дэвин не понимал, почему матушка с такой любовью возится с другими детьми и отворачивается, стоит ему приблизиться к ней. Потом ему объяснили. Если отец любил своих детей вне зависимости от их изъянов, то ее величество все считали виноватой в том, каким родился первенец. За детей отвечает мать, это всем известно. Поэтому она отвернулась и делала вид, что Дэвина не существовало.

— Я не знаю, — сказал он, чувствуя, как в груди что-то дрогнуло.

Джемма, должно быть, уже проснулась. Дэвин запоздало пожалел о том, что не оставил ей денег на новую одежду, хотя и обещал.

Кормак прошел к дивану возле окна. Сел, устало вытянул длинные ноги. Дэвин в очередной раз подумал, что очень похож на отца: такой же высокий и тощий, такой же нескладный. Только у него темные густые волосы, в мать, а отец рыжеватый и уже начинает лысеть.

— Если ты владыка, то не принадлежишь себе, — произнес государь. — Не имеет значения, чего ты хочешь. Нужно делать то, что требует от тебя благо государства. Однажды оно потребовало, чтобы я женился на Тесс, хотя любил другую женщину. Недавно оно приказало, чтобы я убил тех, кто посягал на престол, и сделал бы это так, чтобы отбить охоту у остальных желающих. Понимаешь?

Дэвин усмехнулся. Отец оценил его усмешку по-своему, потому что вдруг поднялся и сделал несколько шагов взад-вперед, словно пытался скрыть волнение.

— Лишь один раз, — сказал Кормак, — я поступил не как государь, а как мужчина. Всего один раз. Хочешь знать, какой?

Дэвин пожал плечами.

— Какой? — спросил он.

Вертикальная морщина пересекла отцовскую переносицу, и он ответил:

— Когда оставил тебя в живых. Убить младенца, что может быть проще? Лейб-медикус увидел искры над твоей головой и сразу предложил принести подушечку. И он был прав! — Король остановился и с горечью посмотрел на Дэвина. — Но я этого не сделал. Я оставил тебя в живых, потому что ты был моим сыном.

Некоторое время они молчали. Дэвину казалось, что в груди что-то возится и скребется. Он хотел спросить у отца так много, что не мог подобрать слов.

Солнечный луч скользнул по стене. Господь на гобелене разделял хрустальное яблоко, чтобы вложить его половинки в первую пару людей. Дэвин вдруг понял, что именно нужно сделать и как себя вести.

Он кивнул. Перевел взгляд в окно — оно выходило в сад, и по яблоневетке прыгала беззаботная синица. В каком-то смысле купленная им Джемма была как раз такой птицей: возьмешь в руки и сможешь убить неосторожным движением. Или спасти. Дэвину хотелось спасти, а не убивать. Хватит с него страшных сказок и утопленных в меду дев.

— Я хочу, чтобы мои близкие поддерживали меня, — продолжал Кормак, опомнившись. Минута откровенности миновала. Бриллиант в кольце на указательном пальце поймал солнечный луч, рассыпавшийся алыми и синими бликами по стенам. — А если мой сын покупает на аукционе дочь моего врага, то это уже не поддержка. Это нож, который внезапно воткнули в спину всей семье. На глазах у всей столицы.

Дэвин вспомнил о том, сколько раз семья от него отрекалась, но решил не говорить об этом. Всегда следует понимать свое положение — это невероятно тонкая наука, не каждому под силу.

— Я не мог поступить иначе, ваше величество, — громко произнес Дэвин. — Она — моя вторая половина.

Кормак посмотрел на него так, словно Дэвин его ударил, — звонко, с оттяжкой, вложив в удар всю свою силу. Дэвин молчал, просчитывая ситуацию. Вчера он выпил ту силу, которую хранила в себе Джемма, и сегодня собирался повторить процедуру. Забор сил вызвал возмущение магического поля, которое в течение полугода никому не даст проверить наличие ее половинки яблока. А раз так, то это давало шансы им обоим.

— Твое яблоко целое, — произнес Кормак, и Дэвин услышал в его голосе далекую горечь надежды и утраты.

Король смирился со своим разочарованием, но иногда оно все же причиняло ему боль.

— Совершенно верно, — кивнул Дэвин. — Целое. А у нее его вообще нет.

Кормак провел ладонью по лбу. Нахмурился, пытаюсь переварить сказанное.

— Нет яблока? — переспросил он. — Ты уверен?

— Разумеется, я уверен! — воскликнул Дэвин. — Ты же не отрицаешь мои таланты в магии?

Государь не отрицал.

— Так вот, сперва я подумал, что она — какой-то магический курьез, — продолжал Дэвин. — Этакая любопытная диковинка. Потому, собственно, и купил: не люблю, когда интересные волшебные предметы проплывают мимо меня.

— И как ты узнал, что в тебе половинка ее яблока? — поинтересовался Кормак.

Дэвин почти слышал, как мечутся мысли в отцовской голове. Король не знал, что делать, но решение следовало принять максимально быстро.

— Есть несколько способов это обнаружить, — со знанием дела сообщил Дэвин. — Например, снять часть кожи с запястья, вот тут. Без обезболивания! И я взял лезвие, знаешь, такое изогнутое, с зубцом, надрезал ей кожу и потянул. Самое главное, чтобы кровь не выступила, но были видны мышцы...

Из коридора послышалось брезгливое восклицание — служба безопасности государя подслушивала. Все как обычно: Кормак любил сына, но не встречался с ним без охраны.

— Все, прекрати, не желаю слушать эту мерзость! — воскликнул он.

Дэвин улыбнулся: нет так нет.

— Она — моя вторая половина, — сказал он. — Это совершенно точно, ваше величество, и я не откажусь от нее.

Дэвин не мог сказать точно, что это было. То ли давнее упрямство и желание любой ценой добиться своего, которое из него с детства выбивали розгами, то ли простое стремление помочь сироте Джемме, потерявшей и семью, и свободу, то ли застарелый призыв хоть как-то насолить тем, кто вычеркнул его из жизни. Он не знал, да это и не имело значения.

— Господь милосердный, как же Ты все закрутил со своими грешными созданиями... — проговорил Кормак и махнул рукой. — Ладно, иди. Я должен все обдумать.

ГЛАВА 3

Ночь прошла спокойно.

Служанка, которую приставили к Джемме, отвела ее в гостевую комнату — просторную, светлую и очень уютную. Там Джемма вдруг почувствовала мимолетное прикосновение прежней жизни. Она была не рабыней, а девушкой из благородного семейства и, допустим, приехала к кому-нибудь в гости.

Потом ей сделалось так горько, что Джемма чуть не расплакалась. Никогда она уже не будет девушкой из приличной семьи. Никто не пригласит ее в гости. Все конечно. Рабыня Принца-вороны вынуждена вести совсем другую жизнь.

— Вот, госпожа, ваша комната. — Служанка улыбалась, но взгляд был необычайно цепким и пронизывающим. — Если что-то потребуется, зовите Киру, Кира вам во всем поможет. Если хотите, Кира подберет вам что-то из одежды на первое время. У девушек найдутся платья и старые чулки.

Очарование мечты окончательно рассеялось. Джемма была не барышней, а рабыней. Потому-то эта Кира так на нее смотрит: пытается понять, почему она, свободная женщина, вынуждена прислуживать той, которую несколько часов назад привезли сюда в плаще невольницы.

И даже чулок у нее нет, вот незадача!

— Спасибо, — с искренним теплом ответила Джемма, и взгляд Киры смягчился. — Было бы замечательно.

Одежду ей принесли только утром — аккуратно положили на край кровати стопку с бельем и светло-синее платье, Кира принялась раздвигать шторы и между делом общилась:

— Хозяина вызвали во дворец. С самого утра уехал. Быть беде, государь в гневе.

«Откуда бы тебе знать?» — хмуро подумала Джемма. Сегодня, когда волнение после вчерашнего дня улеглось, вернув ей свежесть ума и возможность размышлять спокойно и трезво, Джемма думала о Принце-вороне с определенным теплом. Он не мучил ее и не надругался над ней — Джемма прекрасно знала, что именно хозяева делают с рабынями, и у нее все леденело от страха, когда она думала о своей возможной участи.

Вспомнилось, как одна из подруг под строжайшим секретом передала Джемме книгу, которую утащила из родительской библиотеки. Помимо романа об отношениях господина и рабыни там были еще и цветные иллюстрации, одного взгляда на которые Джемме хватало, чтобы залиться краской стыда. Она читала книгу поздним вечером, у окна, и в душе смешивались предвкушение чуда и страх разоблачения...

Впрочем, зачем рабыня Дэвину? Он принц, пусть и без короны. Он всегда будет сыном своего отца, а это в первую очередь означает деньги и связи. Наверняка ему хватает внимания и интереса приличных и порядочных девушек. Хотя... Джемма задумалась, держа в руке чулок, аккуратно заштопанный у щиколотки. Его ведь боятся. Особенно после истории с девушкой в меду.

Но, видит Господь, ей он больше не казался страшным.

Дэвин вернулся перед завтраком — Джемма увидела, как его экипаж остановился возле дома и Принц-ворона выбрался оттуда практически в исподнем. Всю его одежду составлял шелковый халат поверх пижамы и домашние тапочки.

«Взяли прямо из кровати, — подумала Джемма. — Как меня».

Вспомнился тот день, когда она стала рабыней, — в спящем утреннем доме вдруг сделалось шумно и многолюдно. Джемму, которая смогла заснуть лишь на рассвете, вытащили из постели и поволокли по лестнице, как была, в одной ночной сорочке, придавая скорости ударами прикладов в спину. И она, не в силах опомниться, мысленно умоляла только об одном: «Господи, пусть я умру до того, как меня начнут мучить по-настоящему».

Но ее не мучили. Рабынь надо было продать за хорошую цену, а не портить.

Через час Джемму пригласили на завтрак с хозяином дома. Заплетя волосы в косу, она посмотрела на себя в зеркало и подумала, что та девушка, которой она была совсем недавно, уже никогда не вернется. Ушла легкая беззаботность, ушли надежды и мечты, оставив лишь горестную складку между бровями. Все кончено. Минувшее не оживет.

Дэвин сидел за столом и с удовольствием поедал омлет. Когда Джемма опустилась на стул, он молниеносным движением вынул из кармана круглое стеклышко в золотой оправе и, направив на Джемму, радостно произнес:

— Ну вот, как я и предполагал. Ничего не видно.

Джемма узнала стеклышко: его использовали для того, чтобы рассмотреть половинку хрустального яблока в душе. Когда-то отец с матерью давали его Джемме, чтобы она взглянула: их яблоки были целыми, они нашли друг друга.

«Вот, дочка, — улыбаясь, говорила мама и с искренней любовью смотрела на отца. — Однажды и ты найдешь свою половинку».

Потом они обнимались, и Джемма верила, что однажды у нее тоже будет любовь — вечная, сильная, настоящая.

После смерти матери, которая за несколько месяцев сгорела от болотной чумы, все пошло кувырком. Отец ут-

ратил опору и пустился во все тяжкие — это в итоге и привело его к мятежному министру, а потом на площадь под пушечные ядра.

— А что вы хотите увидеть? — поинтересовалась Джемма.

— Твою половинку яблока, — ответил Дэвин. — Все в порядке, возмущения магических полей ее скрыли.

Служанка поставила перед Джеммой тарелку с омлетом, грибами и ветчиной. Мама никогда не позволила бы столько есть, тем более за завтраком. Девушка должна следить за фигурой, но теперь это уже не имело значения. Можно спокойно погрузить вилку в пышно взбитый омлет, наслаждаться вкусной едой и не думать о том, что благородная девица должна есть меньше птички.

— Зачем вам моя половинка яблока? — опасливо спросила Джемма.

Дэвин протянул ей стеклышко и предложил:

— Взгляни-ка на мое.

Джемма послушно поднесла стеклышко к правому глазу и какое-то время наблюдала лишь туманный силуэт на месте Принца-вороны. Затем в тумане за клубились тонкие дымные нити, и Джемма увидела, как из дыма к ней выплывает хрустальное яблоко. Круглое, прозрачное, с золотыми косточками внутри и слегка розовеющей тенью у черешка, оно было целым. Как ни всматривалась Джемма, она не могла увидеть ни единой трещины.

— Целое? — испуганно спросила Джемма, едва не выронив стеклышко. — Разве это возможно? Или вы...

Она хотела спросить: «Вы женаты?» — но осеклась. Ей сделалось так жутко, что какое-то время Джемма могла лишь смотреть на Дэвина, не произнося ни слова.

— Я таким родился, — беспечно ответил он. — Магический дефект... который сегодня позволил мне спасти нас обоих.

По спине проползла капля пота. Джемме казалось, что столовая куда-то уплывает от нее и она вот-вот упадет в

обморок от страха. Что решил король? Почему Дэвин держится настолько свободно?

— Спасти? Но как?

— Его величество Кормак был разгневан, — сообщил Дэвин, и его улыбка на какое-то мгновение померкла. — Потому что принц, который покупает дочь бунтаря и приводит в свой дом, — это в каком-то смысле государственная измена, и с ним нельзя не согласиться. И я сказал ему, что ты — моя вторая половина. Что в тебе вообще не было никакого хрустального яблока. Ты моя, и я тебя никому не отдам.

Несколько долгих минут Джемма сидела молча, стараясь справиться с волнением. Кровь шумела в ушах, как морские волны, и в этом шуме слышалось: «Я не отдам... Я не отдам... Ты моя...»

— Он ведь все узнает! — прошептала Джемма. — Пусть сейчас моего яблока не видно, но потом-то!.. Все раскроется!

— Через полгода, — уточнил Дэвин, накалывая на вилку очередной шампиньон размером с куриное яйцо. — Но к тому времени ты уже шесть месяцев будешь моей женой.

Это прозвучало словно оплеуха, после которой наступает звонкая тишина. Джемма вздохнула, провела ладонями по лицу. Нет, надо опомниться, надо прийти в себя. В конце концов, что такого ужасного и непереносимого ей предлагают? Стать законной женой самого страшного темного мага? Который растворит ее в меду или скормит собакам, если она будет сопротивляться?

— Вашей женой, — сокрушенно повторила Джемма.

Уже потом она заметила, что выражение лица Дэвина обрело привычную горечь, словно она чем-то задела его. Ну конечно, задела. Рабыне, дочери врага государства, следует принимать такое предложение с радостью и молиться, чтобы его высочество не передумал. А она испугалась и не смогла скрыть своего ужаса, хотя Дэвин не

сделал ей ничего плохого, не обидел ни словом, ни действием.

Джемме сделалось стыдно.

— Вот именно, — кивнул Дэвин. — Надеюсь, до медовых ванн у нас все-таки не дойдет.

Принц-ворона оказался щедр — вручил Джемме свою чековую книжку и предложил ни в чем себе не отказывать. На мгновение Джемму укололо воспоминание: они с мамой отправляются за покупками, и отец, улыбаясь, говорит, вручая им свою чековую книжку: «Принарядитесь как следует, мои красавицы! Ни в чем себе не отказывайте! Пусть все завидуют моей жене и дочери!»

Это было горько, но Джемма с удивлением обнаружила, что горечь стала привычной.

— Не бойтесь, что я сбегу? — спросила она.

В конце концов, кто мешает ей купить все необходимое для путешествия, а потом поехать на вокзал и сесть в поезд, который увезет ее, допустим, на Дальний Восход? А там она сядет на корабль и уплывет на Маланийский архипелаг, к чайным плантациям. Или еще дальше, в края, где не заходит солнце.

Дэвин посмотрел на Джемму со странной смесью снисходительности и грусти. Он не делал ей ничего плохого — а она все равно хотела сбежать. Все равно куда, лишь бы подальше от него.

— Тебе некуда бежать по большому счету, — невозмутимо сообщил он. — Ты путешествовала только с родителями, верно? У тебя нет опыта перемещений по стране в тех условиях, когда за тобой охотится полиция. Ты не знаешь, где найти крышу над головой, да так, чтобы тебя не предали, не ограбили и не убили.

Джемма угрюмо посмотрела на него. Да, он был прав, и эта правота отдалась в ней густой тоской. Некуда бежать, ты рабыня. Беглых рабов ловят и забивают плеть-

ми насмерть, и тогда Дэвин уже не станет за тебя заступаться.

— Я пошутила, — проронила Джемма. — Никуда я не убегу.

Дэвин улыбнулся. Осторожно подцепил пальцами ее подбородок и несколько долгих минут смотрел в лицо так, словно пробовал прочитать мысли. Джемме казалось, что ее сердце падает куда-то вниз, во тьму, и там, в этой тьме, медленно крутится голубой глобус незнакомой планеты.

Она сама не знала, как устояла на ногах и не рухнула на ковер. Ноги подкашивались, во рту сделалось горько. Наконец Дэвин убрал руку и сказал:

— Я поставил маленькую систему безопасности на тот случай, если ты не пошутила. Решишь сбежать — она тебя задушит.

Джемма вдруг поняла, что ее левое запястье охватывает тонкая цепочка. Она подняла руку и увидела серебряный браслет, на котором красовалось маленькое бриллиантовое яблоко. Черешок украшала россыпь бледно-голубых топазов, в алмазной глубине парили рубиновые зернышки. Бесценная вещь.

— Спасибо, — прошептала Джемма, замороженная игрой света в яблоке. Она никогда не видела настолько изысканного украшения. — Оно прекрасно...

— Оно тебя убьет, если ты не будешь умницей, — сообщил Дэвин и, легонько стукнув Джемму по кончику носа каким-то очень милым, почти семейным движением, добавил: — Приятной прогулки!

Джемма и сама не поняла, как ее вынесло за дверь особняка. Она опомнилась уже за воротами, когда подумала, что перед ней лежит вся столица и можно притвориться, что ничего плохого не случилось. Да, Джемма сейчас в затрапезном платье и штопаных чулках, но через минуту она пройдет по улице, завернет в магазин и выйдет

из него уже не рабыней в чужой поношенной одежде, а барышней.

Администратор магазина — важный, солидный и такой пузатый, что Джемма подумала: он, должно быть, давно не видел собственных ног, — сперва прикрикнул на нее:

— А ну, пошла отсюда! Здесь не подают!

Джемма прошла в магазин, бросила взгляд на платья, выставленные на манекенах, и лишь затем ответила ледяным тоном, не оборачиваясь на администратора:

— Я от его высочества Дэвина. Подберите мне что-нибудь в духе мастерской Гальяни.

В ее прежней жизни ни один продавец не осмелился бы говорить с ней в подобном тоне — эта мысль в очередной раз заставила сердце Джеммы тоскливо сжаться. Однако упоминание его высочества заставило администратора подпрыгнуть и с удивительной для его сложения скоростью помчаться куда-то за витрины.

Вскоре вокруг Джеммы уже порхали продавщицы. Ей подобрали несколько платьев и шляпок, комплекты белья и удобные туфельки, и в примерочной, ощущая прикосновение дорогих тканей к коже, Джемма вдруг подумала: «Я никогда не буду прежней. Я могу наряжаться, как принцесса, но это не делает меня свободной».

Бриллиантовое яблоко, знак ее рабства, словно подмигнуло с запястья: все верно, голубушка. И будь благодарна своему хозяину, что он надел на тебя серебро и драгоценные камни, а не ржавые цепи.

Выйдя из магазина уже в новой одежде, Джемма отправила посыльного с покупками в дом Дэвина и решила, что чашка кофе с пирожным — как раз то, что нужно, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Мама не разрешала Джемме налегать на сладкое, но раз в неделю можно было позволить себе пирожное с ягодами и трехслойным шоколадом, для хорошего настроения. И какой же это был праздник!